

ПУШКИН-КРИТИК*

Статья А. В. Луначарского

Пушкин не был теоретиком искусства. Он не только не имел каких-либо готовых и приведенных в систему принципов, которые были бы им положены в основу своих суждений в течение всей жизни, но даже, в богатой эволюции своих взглядов на искусство, никогда не стремился выявить и письменно выразить какие-либо общетеоретические устои, хотя бы для отдельных этапов этой эволюции.

Пушкин страстно любил искусство, в особенности литературу. Какое значение в общественной жизни может иметь литература - такого вопроса он в начале своей деятельности перед собой не ставил. Он даже не ставил перед собой вопроса о том, для кого же собственно литератор должен писать? Перед ним являлось некое неуловимое собирательное лицо - "читатель", и в заманчивом, симпатичном облике этом Пушкин различал своих друзей, людей своего общества, дальше - неясные лица современников и потомков, которые будут с восхищением принимать дары его музыки.

На деле в течение жизни Пушкина читатель его поэзии эволюционировал. Вначале это была главным образом дворянская салонно-усадебная прослойка. Чем дальше, тем больше это было русское образованное общество; оно постепенно пополнялось все более демократическими элементами, пока наконец Пушкин в конце своей жизни не сделался действительно писателем для многих десятков тысяч, среди которых большинство составлял новый читатель, иначе говоря - буржуазная, мелкобуржуазная, чиновничье-интеллигентская публика и даже частью очень тонкий высший слой крестьянства.

Говоря более обобщенно, можно сказать, что вначале Пушкин реально писал для дворянского читателя и сам видел перед собой дворянскую публику как адресата своих произведений, а в конце жизни он имел своим читателем главным образом "буржуазную" в широком смысле этого слова публику и понимал, что пишет именно для нее.

Соответственно этому эволюционировало и представление Пушкина о поэте вообще и о себе как поэте. Вначале поэт - это обеспеченный человек, светский человек, который совершенно свободно, в силу высшего призвания, отдается от времени до времени вдохновенному делу поэзии, видя в ней как бы некоторое роскошное дополнение к своей человеческой и, еще вернее, барской жизни. Быть может субъективно поэт считает при этом поездки на Пегас самым важным и сладостным, что он имеет в жизни; тем не менее это есть только прекрасное любительство.

Чем дальше, тем чаще попадаются у Пушкина строчки, дышащие сознанием того, что действительно существенен в нем не барин, не помещик, не камер-юнкер, а именно писатель. Пушкин не скрывает, что огромную роль играет здесь чисто экономический фактор. Писательство стало тем занятием, которое кормит Пушкина и его семью. Он продает продукт своего труда. Он профессионал, он особого рода ремесленник.

Кто же оплачивает его труд? - Оплачивает его труд не совсем ясный, но несомненно очень многочисленный читатель, далеко уходящий за пределы салонно-дворянского окружения.

Уже это должно было заставить Пушкина по-иному относиться к темам, которые он выбирал, к обработке этих тем, к оценке того, что он сам писал, и того, что производили другие художники, современные ему или предшествовавшие ему.

Дело конечно обстоит не так, что Пушкин, осознавая свое положение как профессионального писателя, менял свою писательскую манеру и вкусы. Нет, процесс этого осознания шел рука об руку с литературной эволюцией Пушкина, чрезвычайно интересной и необыкновенно целостной и закономерной.

Поистине стоя "на грани двух культур", он ответил веселым эхо на французскую классику, когда она однако уже угасала. Он еще успел быть самым прелестным представителем своеобразного позднего рококо нашей дворянской литературы. В то самое время, как он воспринимал новые